

ОБРАЗНАЯ СТРУКТУРА ТЕМЫ ДОРОГИ В ПОЭЗИИ Н. РУБЦОВА**М. В. КУДРЯВЦЕВ**

Творческое наследие Н. Рубцова, поэта, чья жизнь трагически оборвалась десять лет назад, по-прежнему входит в „активный“ фонд современной советской поэзии (лучшее из написанного поэтом, бесспорно, уже принадлежит к ее „золотому“ фонду). Об этом свидетельствуют не только многочисленные критические отклики и научные изыскания специалистов-литературоведов, но и неослабевающий читательский интерес к его творчеству.

Несмотря на то, что в некоторых литературоведческих работах содержатся наблюдения над темами и образами поэзии Н. Рубцова, рассматриваются отдельные стороны его „мастерства“ [см. Кожин 1976; Чагин 1979; Дементьев 1979 и др.], его поэтическое слово еще не становилось объектом специального лингвопоэтического анализа, т.е. не исследовались его функционирование, взаимодействие с другими языковыми единицами как в рамках отдельного поэтического текста, так и всей образной системы.

Целью настоящей работы является анализ одной из ключевых тем поэтической системы Рубцова — темы дороги, особенностей ее образно-речевой реализации в стихотворных текстах поэта. В отличие от ключевого слова, ключевая тема не является термином в строго научном понимании и используется нами в качестве рабочего понятия. Основным критерием ее выделения следует считать степень частотности слов, входящих в соответствующую тематическую группу, а также количество текстов, „покрываемых“ этими словами. В работе последовательно разграничивается анализ ключевых слов и ключевой темы, так как специфика самих этих объектов предполагает и различную методику исследования (это вовсе не исключает анализа отдельных ключевых слов с учетом их „доли“ в реализации определенной темы).

Поэтическому миру Рубцова свойственна чрезвычайная „минимализация тем“, его темы — это сквозные темы, в большинстве своем проходящие через все творчество поэта. Тем не менее, в процессе эстетической реализации авторского мировоззрения тема дороги благодаря своему многообразному и многосоставному характеру играет особую роль.

В работе рассматривается лишь часть лексического „инвентаря“ поэзии Рубцова — имена существительные, которые, как правило, несут наибольшую образно-семантическую „нагрузку“ и в отдельном тексте, и в поэтической системе автора.

Источником материала для исследования поэтического идиолекта Рубцова послужили 3 основных прижизненных сборника, составленных самим поэтом: „Звезда полей“ (М., 1967), „Сосен шум“ (М., 1970), „Зеленые цветы“ (М., 1971), а также некоторые стихотворения, опубликованные в периодической печати и посмертных сборниках поэта.

О том, что тема дороги, „дорожные“ образы осознавались как „ключевые“ самим поэтом, свидетельствуют и характерные названия многих его стихов разных лет: „Старая дорога“, „У размытой дороги“, „В дороге“, „На автотрассе“, „По дороге к морю“, „На вокзале“, „Подорожники“, „Последний пароход“, „Поезд“, „Плыть, плыть...“ и другие.

Тематическая группа „дорога“ включает слова, как непосредственно характеризующие дорогу, ее конкретные реалии (дорога, путь, волок, разъезд, подорожник, знак (верстовой), распутье, трасса, рытвина, кювет и др.), так и называющие сопутствующие ей явления: транспортные средства (авто, трехтонка, грузовик, руль, конь, сани, телега, дроги, подвода, поезд, пароход, лодка, самолет и др.), общие понятия, связанные с дорогой, путешествием (гонка, скаканье, разлука, ночлег, прощанье, крушение и др.), лиц в их отношении к дороге, путешествию (в садник, бродяга, пилигрим, шофер, возница, матрос, табор и др.).

Однако удельный вес указанных слов в реализации темы дороги весьма неодинаков, поэтому в работе речь пойдет в основном о словах, занимающих ключевые позиции в образной системе поэта. Условно назовем их реализаторами темы, поскольку эти слова не только отличаются в пределах группы самой высокой частотностью, но и выступают в тексте как его конструктивные смысловые центры [Фадеева, 1977, с. 12], создают вокруг себя своеобразные поля образно-семантического „притяжения“.

1. ДОРОГА. Уже в ранних стихах поэта проявляется синтетический характер его мировосприятия: природное и человеческое начала предстают в его творчестве как тесно взаимосвязанные и взаимозависимые. В стихотворении „Добрый Филя“, рисуящем идиллическую картину жизни лесного отшельника Фили, дорога, понятие, относящееся к сфере человеческой деятельности, приобретает самородный, исконно природный характер: Я запомнил,

как диво, / Тот лесной хуторок, / Задремавший счастливо / Меж звериных до-
рог... С точки зрения нормативного употребления здесь предположительнее
сочетание „звериная тропа“, однако анализ других текстов поэта показывает,
что это употребление органично и закономерно для его поэтического идиолек-
та. Ср.: Я молча / Сидел в трехтонке, / В душе разговоры тая / И радуясь /
Бешеной гонке — / Побегу в родные края, / Побегу / Из долгой неволи / На от-
дых, / На мед с молоком! / И где-то в зверином поле / Сошел / И пошел пеш-
ком... („На родину“).

Образ дороги традиционно связывается в поэтической символике с моти-
вом странствия, путешествия. В раннем стихотворении Рубцова „Элегия“
воспоминание о странствиях („пройденных дорогах“) перерастает в осмысле-
ние пережитого, подведение жизненных итогов: Но очнись и выйду за порог /
И пойду на ветер, на откос / О печали пройденных дорог / Шелестеть остат-
ками волос. Слово дорога, выступающее здесь в развернутой метафориче-
ской конструкции, благодаря контекстному окружению (печаль, шелестеть
в значении ‘повествовать, рассказывать’) приобретает дополнительное значе-
ние ‘горестный опыт прожитых лет’.

Образный мотив дороги-жизни получит дальнейшее развитие в зрелом
творчестве Рубцова. Дорога, странствие здесь предстают как форма бытия,
способствующая становлению личности, умственному и духовному ее разви-
тию: Мотало меня и на сейнере в трюме, / И так, на пирушках, во дни тор-
жества, / И долго на ветках дорожных раздумий, / Как плод, созрела моя
голова („Жар-птица“). Ср. со стихотворением, написанным поэтом в послед-
ние годы жизни, где образно-композиционным стержнем являются те же ме-
тафорические параллели („ветки — плод“, „жизнь — голова“), так как семанти-
ка слов дорожные раздумия, жизнь в конечном итоге представляется
эквивалентной: Неужели в свой черед / Надо мною смерть нависнет, — / Го-
лова, как спелый плод, / Отлетит от веток жизни?“ („Я люблю судьбу свою...“)¹

Иногда это переносное значение („дорога как жизнь“) актуализируется
в слове дорога лишь в развернутом контексте, благодаря ассоциативным
связям с другими компонентами текста или структурным особенностям его
„сюжетного“ построения:

Дорога, дорога,
Разлука, разлука.

¹ Ср. реализацию того же образного мотива у С. Есенина, которая, несмотря на общность поэтических денотатов, обнаруживает значительные различия в присмаках семантического преобразования у обоих поэтов: Облетает моя голова, / Куст волос золотистый вянет... („По-осеннему кычет сова“).

В поэтической картине мира, создаваемой Рубцовым, дорога предстает как связующая нить между поколениями, между прошлым и настоящим днем Родины: Здесь каждый славен – мертвый и живой! / И оттого, в любви своей не каюсь, / Душа, как лист, звенит перекликаясь / Со всей звенящей солнечной листвою, / Перекликаясь с теми, кто прошел, / Перекликаясь с теми, кто проходит... / Здесь русский дух в веках произошел, / И ничего на ней не происходит („Старая дорога“). Происходит как бы взаимопроникновение двух временных планов, прошлое живет в настоящем, настоящее еще сохранило всю первозданность, „сказочную глушь“ прошлого:

Топ да топ от кустика до кустика –
Неплохая в жизни полоса.
Пролегла дороженька до Устья
Через город Тотьму и леса.

Приуныли нынче подорожники,
Потому что, плача и смеясь,
Все прошли бродяги и острожники –
Грузовик разбрызгивает грязь.

Разве что от кустика до кустика
По следам давно минувших душ
Я пойду, чтоб думами до Устья
Погружаться в сказочную глушь ...

(„Подорожники“)

2. ПУТЬ. Образ пути-жизни, пути-судьбы, который во многом обусловлен традиционной семантикой самого слова путь, возникает уже в ранних стихах поэта: Он говорит, что все уходит прочь, / И всякий путь оплакивает ветер... („В гостях“). Переносное значение „человеческая жизнь“ актуализируется в слове благодаря соседству глагола оплакивать („горевать, скорбеть по трудной, несложившейся жизни“; „отпевать покойного“). В отдельных случаях наблюдается обогащение семантики слова путь в результате взаимодействия его прямого и переносного значений. Обратимся к стихотворению, которое представляет собой развернутый „диалог“ поэта с ветром, одним из главных „персонажей“ поэтической „книги“ Рубцова: Душа ведь может, как ты, стонать, / Но так ли может за себя постоять? / Безжизнен, скучен и ровен путь. / Но стонет ветер! Не отдохнуть... („По дороге из дома“). Следует отметить, что в слове путь, которое под воздействием эпитетов безжизненный, скучный, ровный (слово со знаком минус, как и его контекстуальные си-

новимы) приобретает яркую отрицательную окраску², прямое („дорога“) и переносное („жизнь“) значения не расчлняются, реализуются одновременно.

Образ железного пути (линии) как пагубной силы, олицетворяющей собой негативные стороны цивилизации, разрушающей первоизданную красоту природы, сельского пейзажа, предстает в стихотворении „Поэзия“ (вокзалный дым здесь также выступает как типичный знак „железнодорожной“ цивилизации): Снега, снега... За линией железной / Укротный, чистый вижу уголок. / Пусть век простит мне ропот бесполезный, / Но я молю, чтоб этот вид безвестный / Хотя б вокзальный дым не заволоч! В последней строфе раскрывается диалектика мировоззрения поэта, ведь „гудки железного пути“ – это символический звуковой признак странствия, путешествий: Железный путь зовет меня гудками, / И я бегу... Но мне не по себе, / Когда она за дымными веками / Избой в снегах, лугами, ветряками / Мелькнет порой, покорная судьбе...

3. **КОНЬ (ЛОШАДЬ)**. В раннем творчестве Рубцова бег коня, быстрая езда предстают как символ юношеского максимализма, активной жизненной позиции, противостоящих духовному застою и косности... И все же грустно до обиды / У мух домашних на виду / Послушно, как кариатиды, / Стареть в сложившемся быту. / Ведь я кричал, врываясь в споры, / Что буду жить наверняка, / Как мчат коней, вонзая шпоры / В их знойно-потные бока! („Мой чинный двор...“). Характерно, что в данном контексте синонимом духовной инертности и косности становится слово, вековой традицией закрепленное за сферой „высокого“ искусства – кариатиды. В стихотворении „Эх, коня да удаль азиата...“ контрастное столкновение романтически-возвышенной, книжной (лермонтовские аллюзии) и нейтральной, хотя в отношении первой явно „приземленной“, лексики служит выявлению двух разных жизненных позиций: Эх, коня да удаль азиата / Мне взамен чернильниц и бумаг, – / Как под гибким телом Азамата, / Подо мною взвился б аргамак!... Не простой, / возвышенный, / в седле бы / Прискакал к тебе в конце концов! / Но, должно быть, просто и без смеха / Ты мне скажешь: – Боже упаси! / Почему на лошади приехал? / Разве мало в городе такси?..

Образ коня в ранних стихах поэта не всегда связан с мотивом быстрого движения, скачки как выражения юношеского удальства и оптимизма, он со-

² Приведем еще один пример, где из-за влияния контекста (контраст поле / 'светлое', 'покой' / – дорога / 'шумное', 'суетное', 'разбойное'), а также экстралингвистических факторов (судьба С. Есенина), в слове дорога появляется отрицательная окраска: И повял он, что вот слабеет воля, / А где покой среди больших дорог?! / Что есть друзья в тиши родного поля, / Но он от них отчаянно далек! („Последняя осень“).

пряжен и с размеренным темпом движения, как бы созвучным неторопливому ходу человеческой мысли, глубокому раздумию (своеобразным ритмическим „камертоном“ здесь служит звон колокола под дугой):

Я долго ехал волоком,
И долго лес ночной
Все слушал медный колокол,
Звеневший под дугой.

Звени, звени легонечко,
Мой колокол, трезвонь!
Шагай, шагай тихонечко,
Мой бедный старый конь!

Хоть волки есть на волоке
И волок тот полог,
Едва он сани к Вологде
По волоку волок...

(„Старый конь“)

Разумеется, контекстное сближение слов волок, колокол, конь, волки, Вологда во многом здесь определяется денотативными факторами, однако большую роль при этом играет „паронимический импульс“ (термин В. П. Григорьева), т.е. интенсивный повтор согласных *в, л, к, г* и гласного *о* (в 3-й строфе перенасыщенный звуковой повтор даже производит впечатление искусственности и самоцельности использования этого приема).

Образ коня как олицетворения традиционной удали, устремленности вперед приобретает в зрелых стихах новое образное содержание, новые символические коннотации. Мотив скачки, „скаканья“ связывается поэтом с „движением во времени“, являя собой связующую нить между прошлым и настоящим Родины: Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны, / Неведомый сын удивительных вольных племен! / Как прежде скакали на голос удачи капризной, / Я буду скакать по следам миновавших времен... И только, страдая, израненный бывший десантник / Расскажет в бреду удивленной старухе своей, / Что ночью промчался какой-то таинственный всадник, / Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей... („Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...“). Связь времен выявляется не только посредством прямого авторского „указания“ („Я буду скакать по следам миновавших времен“), но и в контрастном сопоставлении слов, относящихся к разным стилистическим пластам и разным историческим эпохам („израненный бывший десантник“, „старуха“ // „таинственный всадник“, „неведомый отрок“).

Бег коня („вороного“) – это знак прошлого, юности как радостного беспечного праздника, который противопоставляется „грустному“, трагически обыденному настоящему:

Грустные мысли наводит порывистый ветер,
Грустно стоять одному у размытой дороги,
Кто-то в телеге по ельнику едет и едет –
Позднее время – спешат запоздалые дроги.
Плачет звезда, колодея, над крышей сарая...
Вспомни – о родина! – праздник на этой дороге!
Шумной гурьбой под луной мы катались, играя,
Снег освещенный летел вороному под ноги.
Бег все быстрее... Вот вырвались в белое поле.
В чистых снегах ледяные полынные воды.
Мчимся стрелой... Приближаемся к праздничной школе...
Славное время! Души мои лучшие годы...

(„У размытой дороги...“)

Контраст между настоящим и прошедшим здесь создается не только благодаря сопоставлению слов, содержащих эмоционально-оценочные характеристики („грустные мысли“, „грустно“, „плачет звезда“ // „праздник“, „играя“, „к праздничной школе“, „славное время“), но и лексическими средствами, указывающими на темп движения, „езды“ („Кто-то в телеге по ельнику едет и едет...“ // „Бег все быстрее...“; „Мчмся стрелой...“).

4. ПОЕЗД. Слово поезд отсутствует в ранних стихах поэта (во всяком случае, в опубликованных стихах этого периода), следовательно, оно не являлось в те годы значимым элементом его поэтической „автобиографии“. Однако в зрелый период творчества поезд предстает в стихах Рубцова не только как традиционный символ дороги, путешествия, но и приобретает дополнительные, индивидуально-символические значения³. Поезд тесно связан с мотивом странствия как внешнего, событийного „содержания“ прожитой жизни, с мотивом судьбы: Как все это (деревенская жизнь. – М. К.) кончилось быстро! / Как странно ушло навсегда! / Как шумно – с надеждой и свистом – / Помчались мои поезда. („Далекое“); Нет, меня не порадует – что ты! – / Одинокая странствий звезда. / Пролетели мои самолеты, / Просвистели мои поезда... („Посвящение другу“). В первом случае обращает на себя внимание соположение существительных надежда и свист, которые в данном

³ Об образе поезда как реализации идеи пути в поэзии А. Блока (см. у Ереминой [1980, с. 8–11]).

контексте оказываются семантически сближенными (общая сема 'радостное, бодрое состояние; душевный подъем').

Поезд (как, впрочем, и другие слова — знаки пути⁴) участвует в реализации мотива разлуки, прощания с родным краем, который является важным компонентом образной структуры темы дороги: Прекрасно небо голубое! / Прекрасен поезд голубой! / — Какое место вам? — Любое. / Любое место, край любой... — Прости, — сказал родному краю, — / За мой отъезд, за паровоз. / Я несерьезно. Я играю. / Поговорим еще всерьез. („Прекрасно небо голубое!“).

Поэт уподобляет образ поезда человеческой жизни (в более широком, аллегорическом плане — жизни, движению вперед всего человечества), где общим признаком сравнения является все убыстряющийся темп движения, состояние „антипокоя“, неопределенность исхода:

...Поезд мчался с полным напряженьем
Мощных сил, уму непостижимых,
Перед самым, может быть, крушеньем
Посреди миров несокрушимых.

Вот он, глазом огненным сверкая,
Вылетает... Дай дорогу, пеший!
На разъезде где-то, у сарая,
Подхватил меня, понес меня, как леший!

Вместе с ним и я в просторе мгlistом
Уж не смею мыслить о покое, —
Мчусь куда-то с лязганьем и свистом,
Мчусь куда-то с грохотом и воем.

Но довольно! Быстрое движенье
Все смелее в мире год от году,
И какое может быть крушенье,
Если столько в поезде народу?

(„Поезд“)

⁴ Ср.: На темном разъезде разлуки / И в темном прощальном авто / Я слышу печальные звуки, / Которых не слышит никто... („Прощальное“); Пароход загудел, возвещая отплытие вдаль! / Вновь прощались с тобой / У какой-то кирпичной оградины, / Не забыть, как матрос, / увеличивший нашу печаль, / — Проходите! — сказал. / — Проходите скорее, граждане!... („У церковных берез“).

Подытожим результаты наших наблюдений:

1. В качестве основы нового образа поэтом используется традиционная символика, которая переосмысливается, „обогащается“ за счет создания контекстуальных приращений смысла. Напр., поезд как символ наступления цивилизации, технического прогресса относится к числу традиционных для русской поэзии образов (эта тенденция восходит к С. Есенину, а еще раньше, в XIX в. – к Н. Некрасову), и тем не менее образ „вселенского“ поезда, который сродни самой планете Земля и пассажиры которого – все человечество, следует рассматривать как пример индивидуально-символического употребления Рубцова.

2. Известно, что „если в нехудожественном тексте семантика единиц диктует характер связей, то в художественном – характер связей диктует семантику единиц“ [Лотман, 1970, с. 251]. Однако при выявлении символического значения слова анализ синтагматических связей явно недостаточен требуется выход к более широкому ассоциативным связям, к развернутым контекстам или совокупности контекстов. Об этом свидетельствует и анализ образной „сферы“ слов дорога, путь, конь, поезд.

3. Анализ функционирования слов-реализаторов темы дороги (дорога, путь, конь, поезд) показал, что в семантической структуре каждого из названных слов наряду с общеязыковыми и традиционно-поэтическими значениями можно выделить ряд контекстуальных значений. Совокупность этих значений позволила схематически приблизительно определить „сетку“ сквозных образных мотивов, связанных с темой дороги:

№	Мотивы	Дорога	Путь	Конь	Поезд
1	'жизнь вообще'	+	+	-	+
2	'прожитая поэтом жизнь'	+	+	-	+
3	'странствия, путешествия'	+	+	-	+
4	'юность как праздник'	+	-	+	-
5	'быстрое движение как активная жизненная позиция'	-	-	+	+
6	'цивилизация, прогресс'	-	+	-	+
7	'связь с историей Родины, народа'	+	-	+	-
8	'разлука, прощание с родной'	-	-	-	+

Итак, если текст можно рассматривать как синтагматику мотивов [см. Фадеева, 1977, с. 12], то образная структура темы представляет собой парадигматику основных мотивов.

THE IMAGE STRUCTURE OF THE "ROAD", THEME IN RUBTSOV'S POETRY

M. V. KUDRIAVTSEV

Summary

The poetry of Nikolaj Rubtsov, a major contemporary Russian poet, has not so far been subjected to linguistic analysis. The present article deals with the semantic realization of one of the key-themes in Rubtsov's poetry – the "road" theme.

Rubtsov's poetic system is characterized by a limited number of key-themes which remain constant throughout his works. Traditional symbols in Rubtsov's poetry acquire a variety of contextual meanings. The structure of the "road" theme can be viewed as a paradigm of the main image motifs.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дементьев, 1979 – Дементьев В. Грани стиха. О патриотической лирике советских поэтов. – М., 1979.

Еремина, 1980 – Еремина Л. И. Текст и слово в поэтике А. Блока. – В кн.: Образное слово А. Блока. М., 1980.

Кожин, 1976 – Кожин В. Николай Рубцов. – М., 1976.

Лотман, 1970 – Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М., 1970.

Фадеева, 1977 – Фадеева Т. А. Семантическая характеристика ключевых слов в произведениях В. А. Луговского: Канд. дис. – Л., 1977.

Чагин, 1979 – Чагин А. „Мне слышатся Истории шаги...“ – Лит. учеба, 1979, № 3, с. 134–141.

*Вильнюсский государственный
университет им. В. Капсукаса
Кафедра русского языка*

Ноябрь, 1980